

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 291.16

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-84-90

ОБРАЗЫ «РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ» В РОССИИ И «ПРОЕКТ К.Д. УШИНСКОГО»*

THE IMAGES OF "RELIGIOUS EDUCATION" IN RUSSIA AND THE "PROJECT BY K.D. USHINSKY»

Е.И. Аринин, Н.М. Маркова

E.I. Arinin, N.M. Markova

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, 600000, Владимир, ул. Горького, 87

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
Russia, Vladimir, 600000, Gorky Street, 87

E-mail: eiarinin@mail.ru; natmarkova@list.ru

Аннотация

Термин "религиозное образование" можно рассматривать в эксплицитном или имплицитном значении. Эксплицитно термин "религиозное образование" входит в отечественную литературу во второй половине XIX века, понимаясь как "верный якорь спасения в дни житейских бурь и душевных тревог" (К.Д. Ушинский, 1858). Имплицитно проблема передачи знаний о религии ставилась на протяжении всей истории человечества. Этот "Проект Ушинского" столкнулся с тремя основными проблемами ("вызовом универсализма»,» вызовом этноконфессиональных традиций" и "вызовом ученых"), которые не удалось разрешить в XIX-XX веках. Только наука XXI века позволила найти оптимальные формы сочетания веры "светских элит" и "традиции народов" с "верой конфессиональных экспертов" и требованиями педагогики.

Abstract

The term of "religious education" can be considered in an explicit or implicit sense. Explicitly the term "religious education" is included in Russian literature in the second half of the XIX century, being understood as "the true anchor of salvation in the days of everyday storms and spiritual anxieties" (K.D. Ushinsky, "On the means of disseminating education through literacy", 1858). Implicitly the problem of the transfer of knowledge about religion was posed throughout the history of humankind. This "Ushinsky Project" faced three main problems ("the challenge of universalism," "the challenge of ethno-confessional traditions," and the "challenge of scientists") that could not be resolved in the 19th-20th centuries. Only the science of the 21st century allowed to find the optimal forms of combining the faith of "secular elites" and "traditions of peoples" with "the faith of confessional experts" and the requirements of pedagogy after the adoption of the new law "On Education in the Russian Federation" (2012).

Ключевые слова: религиозное образование, вера, светские элиты, народная религиозность, конфессиональная элита, конгрегация, деноминация.

Keywords: religious education, faith, secular elites, popular religiosity, confessional elite, congregation, denomination.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ (РГНФ)-ННИС № 15-23-06002

Термин "религиозное образование" можно рассматривать в эксплицитном или имплицитном значении. Эксплицитно термин "религиозное образование" в современном языке, если брать только популярную поисковую систему Google (на 25.11.2017), обнаруживается в фактически неопишемом множестве документов: 1 690 000. Обращение к академическому электронному ресурсу "Национальный корпус русского языка" (НКРЯ) показывает, что искомый термин фиксируется в русском языке со второй половины XIX века, оставаясь до наших дней весьма редким - он за три столетия встречается только в 27 документах при 31 вхождении, начиная с 1858 года, тогда как, к примеру, слово "религия" встречается в 1508 документах при 4210 вхождениях, а слово "образование" - в 5 728 документах при 11 957 вхождениях (на 25.11.2017) [13]. Первое его упоминание в 1858 году связано с именем К.Д. Ушинского (1824-1871), которого признают одним из основоположников российской педагогики, опубликовавшего статью "О средствах распространения образования посредством грамотности", где сравнивал Россию и США [21, 41-45].

В первом издании фундаментальной "The Encyclopedia of Religion" (1987), подготовленной Чикагской школой религиоведения, которой руководил всемирно известный исследователь М. Элиаде, в статье "Religious Education" ее автор Гэбриэл Моран (*Gabriel Moran*) отмечал, что "всякий, кто старается дать определение термину религиозное образование, столкнется с экстраординарными трудностями" [2, 320]. В современной России принят закон Российской Федерации "О свободе совести и о религиозных объединениях" (N 125-ФЗ, 1997), где термин "религиозное образование" был впервые в истории российского законодательства вынесен в заголовок статьи 5, утверждающей, что "каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими" (5.1). Продолжением закрепления этого права стал новый закон "Об образовании в Российской Федерации" (2012, № 273-ФЗ), в котором этой проблематике посвящена статья 87 ("Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования"), где присутствует термин "религиозное образование (религиозный компонент)". Вместе с тем, исследователи выделяют до шести типологических форм, в которых пытаются обобщить необозримое многообразие существующих педагогических практик приобщения молодого поколения к "знаниям о религии" [12, 58].

В этом контексте важно обратиться к наследию К.Д. Ушинского, который вводит этот термин в условиях конкретных вызовов того особого исторического периода, когда с 1850 года было запрещено преподавание в университетах философии, подозреваемой в распространении "вольномыслия" в духе печально известного тезиса, что "польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден" (другая версия: "польза философии не доказана, а вред от неё возможен") [11].

К.Д. Ушинский полагал, что общество от "испорченной нравственности большинства грамотеев" и социальных потрясений спасет не грамотность сама по себе, чреватая "вольномыслием", но воспитание "сынов отечества" через "религиозное образование", которое "должно с ранних лет ложиться в душу человека, как верный залог того, что он не собьется с дороги, как верный якорь спасения в дни житейских бурь и душевных тревог", при этом оно отделялось им от "светского образования", выступавшего как "умственное образование, сообщение массы сведений как результатов образованной жизни человека во всех странах, гимнастика рассудка, расширение горизонта понятий" [21, 42-43].

К.Д. Ушинский обращался к опыту США, где термин "религиозное образование" существовал в двух основных значениях. Первое, или "разделительное", было принято в "конфессиональных школах", которых в США, стране эмигрантов, которые были беженцами из Европы, часто покидавшими "Старый Свет" из-за преследований за религиозные убеждения, т.е. "диссидентами" ("dissenters", "dissidentes de religione", "отщепенцы", "сектанты", "еретики" и т.п.). В "Новом Свете", на этой "земле Нового Завета", беглецы объединялись в "диаспоры", "братства", "congregation" ("приходы"), которые себя определяли себя как та или иная "деноминация" ("denomination"), т.е. "особая юрисдикция", само-

утверждающаяся "религия", солидарно-сердечное "исповедание", дистанцирующееся от других и периодически меняющее свое наименование, подобно российскому "старообрядчеству", когда происходило размежевание и деление внутри сообщества на важным вопросам, как это наглядно и с иронией показано, к примеру, в популярном клипе на тему рассказа Эмо Филиппа (Emo Philips) "Еретик" [1].

В отличие от Европы и Российской империи, где в Новое время утвердились "господствующие вероисповедания", поддерживаемые "охранительным законодательством" и силовыми ведомствами, подавлявшими "религиозные мятежи", в США "congregations" и "denominations" были свободно организующимися братскими общинами единоверцев, допускающими переход из одной общины в другую, самоопределяясь на основе конституционной независимости от государства ("Bill of Rights", 1791). В отличие от этой ситуации, в Российской империи выход из господствующего исповедания был запрещен до 1905 года, квалифицируясь как уголовно наказуемый проступок [18, 47-48,91].

В качестве одного из примеров можно упомянуть очень показательный факт из истории США первой трети XVIII века, когда в стране, где до 90% населения жило в небольших и автономных "деревнях", началось общее для разных деноминаций "Великое Пробуждение" ("First Great Awakening"), за которым в XIX веке последовал колоссальный рост методистских общин ("boiling hot religion"), численность которых с 1800 по 1860 г. увеличилась в 28 раз, а крупнейшая из них "Methodist Episcopal Church" обошла некогда более представительные "Presbyterian Church" и "Congregational Church". В таком контексте множество автономных образовательных проектов, принятых в тех или иных динамично сосуществующих "congregations" и "denominations", были делом исключительно данных братских сообществ. К.Д.Ушинский ссылается в своей статье на этот опыт, позволяя утвердиться второму, "собирательному", подходу к религиозному образованию, принятому в государственных школах, где собираются дети из семей, принадлежащих к разным "denominations", когда и сегодня в начале занятий может читаться несколько стихов из общей для всех Библии и произноситься общая для всех молитва "Отче Наш", которые, однако, строго говоря не носят собственно "конфессиональный" ("деноминационный", "конгрегационный") характер, т.к. не призваны засвидетельствовать принадлежность к конкретной "congregation". Такой же собирательный подход характерен для дисциплины "Religious Studies", позднее утвердившейся в университетах [19].

К.Д.Ушинский фактически предложил в 1858 году инновационный образовательный проект, где "религиозное образование" для всех подданных выступило как нечто отдельное от уроков "Закона Божьего" и профессионального "духовного образования" церковных служителей государственного исповедания, учрежденного в XVIII веке ("Регламент или устав духовной коллегии", 1721) [4, 268]. Он специально пишет об "оттенке насмешливости, который свойствен ясному рассудку русского человека", в отношении духа "схоластической ступени" преподаваемой грамотности, тогда как в действительности "понимать высокие, святые истины библии всего более учат нас великие учителя человечества: церковь, жизнь, горе, лета и опыт" и "трудно ждать от пятнадцатилетнего молодого человека, в котором каждый нерв требует деятельности, который весь шевелится и ходит, как дрожжи, того душевного покоя, того глубокого взгляда внутрь самого себя, того рождающегося равнодушия к суете мирской, которые открывают, наконец, глаза человеку в бесконечную область света, покоя и истины" [21, 42]. Это описание близко к многим воспоминаниям о "казенщине" и "военщине" распространенных способов преподавания "Закона Божьего", когда, к примеру, один из "законоучителей" только заставлял всех "учить наизусть жития святых, причём при ответе ученика сам следил по книге, чтобы тот не пропустил ни одного слова", в результате чего "все православные ученики завидовали католикам и евреям, которые были освобождены от этого предмета и 'весело носились по двору', пока остальные зубрили жития и молитвы". [14]

В духе таких идей стали возникать первые "воскресные школы", начиная с Киева, где в 1859 году несколько студентов университета с энтузиазмом и бесплатно при под-

держке Н.И.Пирогова, начали обучать в выходной день всех желающих. Эта инициатива была, однако, достаточно быстро воспринята властями как "преступная" альтернатива "казенным школам", попав под запрет уже в 1862 году в связи с обвинениями в пропаганде "либеральных" идей и т.п. "вольнодумства". [15] В этих условиях проект "религиозного образования", направленного на формирование "верного якоря спасения" в душе подданных, сталкивался по меньшей мере с тремя фундаментальными вызовами эпохи, сохраняющими свою актуальность и сегодня.

Первый, назовем его "вызовом универсализма", в духе "Великой Дидактики" Яна Амоса Каменского ("Didactica magna", 1633-1638), одного из первых отечественных педагогических текстов "Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов" (1717) и "категорического императива" И.Канта ("Grundlegung zur Metaphysik der Sitten", 1785) выступал как объективная необходимость приобщение всего населения Российской империи как "Европейской Державы" (Екатерина Великая, "Наказ", 1767) к универсальным нормам нравственного и умственного (этического, научного, гражданственного) образования, призванных формировать "сынов отечества", т.е. искренних патриотов и образованных граждан, способных не только соблюдать законы Российской империи, но и осознавать себя в качестве сограждан глобальной цивилизации "просвещенных народов". "Категорический императив" И.Канта (Immanuel Kant, 1724-1804) выступил как отражение фундаментальной интенции и морального импульса свободного человека ("Homo liber", Бенедикт Спиноза) как "аутопоэтной" системы ("autopoietic system", Умберто Матурана), который по собственной свободой воле стремится к универсальной "нормативности" в духе "Нагорной проповеди".

Идеалы этого универсального просветительского проекта отказываются от охранительных норм "Домостроя" (1547), где элиты "Русского царства" в военных столкновениях с "Magnus Ducatus Lituaniae" ("Великое княжество Литовское", 1385) и "Rzeczpospolita" ("Речь Посполитая", 1569), решили ответить на вызовы эпохи Реформации (1517-1648) в духе "Кодекса Феодосия" ("Codex Theodosianus", 439), когда приверженцы единой императорской "Кафолической Церкви" ("Καθολικὴς Ἐκκλησία"/"Ecclesia Catholica") были противопоставлены "безбожным еретикам" и "суеверным язычникам", заслуживающим смертной казни [10, 38-47]. Все население Русского царства обязано было принадлежать к царскому "сияющему благочестию" ("правоверию", "православию", "правомыслию"), которое добивалось и добилось в эту эпоху статуса самостоятельного Патриархата (1589) [5, 219-221]. Тогда, в ответ на веротерпимость "Акта Варшавской конфедерации" ("Akt konfederacji warszawskiej", 1573), власти Москвы перед угрозой распада на множество локальных "confessio" и "congregation" ("толков"), утверждают свое "правоверие" ("сияющее благочестие") охранительными законами "Соборного уложения" (1649) и "12 статей царевны Софьи" (1685). "Проект Ушинского" должен был найти новые формы педагогического языка, позволяющего объединить общество, приобщив молодое поколение "сынов отечества" к просвещенной "вѣре престола", объединяющей "вѣру энтузиастов из народа" и "вѣру строгих архипастырей" в одно искреннее, свободное, гармоничное и солидарное целое.

Второй вызов, назовем его "вызовом этноконфессионализма", исходил из того, что уже с XVII-XVIII веков в Российской империи происходит усложнение конфессиональной ситуации, где не только произошел "старообрядческий раскол", вызванный геополитическим "Восточным проектом" и стремлением властей вернуть Константинополь, но, после закрытия в XVI веке всех медресе в Казани и Астрахани, завоеванных Иваном Грозным, начинается возрождение "мусульманской учености среди татар" Российской империи [9]. Эти же столетия (XVII-XVIII вв.) стали периодом, когда буддизм и буддистское просвещение из Монголии, Китая и Тибета, пограничного с Индией, стали распространяться в Забайкалье среди местного населения, соседствуя с традиционным шаманизмом, хотя начало распространения буддизма на этих землях относят ко II веку до н.э. [6]. Эти народы были приняты в подданство России (1648), здесь началось православное миссионер-

ство (1681, "Даурская миссия" при Свято-Троицком Селенгинском монастыре-крепости) и, позднее, после переселения сюда "польских выведенцев" ("семейских", 1735-1795), закрепились существующее до наших дней старообрядчество.

Эти процессы совпали с началом "поворота к национальному" ("этноконфессиональности") элит, когда "Грекороссийскую церковь" (так "Церковь Христову" в России называли во многих документах XVIII века) в документах XIX века начинают именовать "Православная Российская Церковь", "Российская Православная Церковь", "Российская Православная Кафолическая Церковь", "Православная Греко-российская Церковь", "Российская Восточно-православная Церковь" и т.п. [17]. Термин "православие", получает распространение в русском языке в контексте эпохи Реформации и правления Ивана Грозного (1530-1584), постепенно становясь разделительным "конфессионалистом", обозначающим не просто локальное понимание "Церкви Христовой" в одном из регионов глобального "Pax Christiana", но именно самобытную "религию россиян", господствующему исповеданию императоров, которое тогда именовалось "вѣра Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания" [20, 9]. Нужно было считаться с тем, что эта вера "по своему внутреннему упованию... мыслит себя христианством в его изначальной полноте и неповрежденной целостности" [8, 11]. Таким образом, "Проект Ушинского" должен был найти решение проблемы присутствия в России не просто "религии как таковой", но нескольких различных, терпимых и допускаемых властью религий ("этноконфессиональных традиций"), равно претендующих на "особую истинность", пользуясь как на региональном, так и международном уровне серьезным влиянием и массовой поддержкой. Требовалось найти согласие "веры престола" и "веры строгих архипастырей" с "верой энтузиастов из народа", который принадлежал к нескольким терпимым "этноконфессиональным традициям".

Третий вызов, назовем его "вызовом ученых", был отмечен уже М.В.Ломоносовым (1711-1765), который писал, что европейские "Religion", появившиеся в результате эпохи Реформации (1517-1648) в качестве "локальных" общностей ("государственных вероисповеданий"), основанных на доктринально-теологических "истинах" по принципу "cuius regio, eius religio" ("Pax Augustana", "Augsburger Reichs- und Religions frieden", 1555), которые, в отличие от доказательных и универсальных истин науки, оказывались только региональными ("местными") "уверениями" о "сверхъестественном", радикально отличными от знаний о "естественном", покоящейся на "твердых основаниях", развитием которой занималась глобальная "республика ученых" ("Respublica literaria"), "граждане" которой принадлежали к разным "Religion" или вообще относили себя к "вольнодумцам" ("atheism", "libertinage", "freethinking" и т.п.), способным порой присоединиться к скандальному призыву Вольтера "Ecrasez l'infame!" ("Раздавите гадину!", 1762) [3, 25-36]. Таким образом, "Проект Ушинского" должен был найти решение проблемы присутствия в России не просто "религии как таковой" и "этноконфессиональных традиций", но и его согласования с истинами науки. "Вере престола", "вера энтузиастов из народа" и "вера строгих архипастырей" должна была согласоваться с "верой академиков".

В этом контексте важно отметить, что со второй половины XIX века слово "религия" в русском языке начинает иметь не только разделительное ("высокое") значение "верного якоря спасения" в отношении с "сакральным" в единстве с господствующим вероисповеданием, но приобретает собирательное значение, включающее в себя "народные" ("низкие") формы "языческих суеверий", сибирского "шаманства" и т.п.. Поиски "единой религии" столкнулись с аналитически фундаментальным многообразием феноменов, относимых к "религии", когда и сегодня в интернете невозможно найти текст о "верующем колдуне", "верующем шамане" или "православном маге", что зафиксировал Дж.Фрезер (Sir James George Frazer, 1854-1941) в своей классической монографии "Золотая ветвь" (The Golden Bough: A Study in Magic and Religion, 1890-1915, русский перевод - 1928), выдвигая, в духе идей О.Конта (1798-1857), "магический", "религиозный" и "научный" этапы развития человечества. Термин "религия" в таком контексте потерял прямые ассоциации с

христианством, выступая как знания и практические навыки бытовых отношений с "неизвестным", изучаемые этнографией и новой "наукой о религии", отделяющей себя от богословской апологетики и теологии (1870, Friedrich Max Müller).

Так, можно отметить, среди многих других примеров, что еще в 1855 году митрополит Филарет уволил из Московской духовной Академии начинающего профессора по кафедре "Церковной археологии и истории раскола в России" Н.П.Гилярова-Платонова (1824-1887) за то, что в его лекциях по курсу с показательным названием "Наука о вероисповеданиях" тот позволил себе недопустимое с точки зрения митрополита в отношении этих "церковных мятежников" и "отщепенцев", поскольку лектор отдавал "справедливость русским раскольникам"[16]. Эти слова митрополита были вынесены как эпиграф к изданию Н.П.Гиляровым-Платоновым своей книги "Логика раскола" (1885), где автор, признавая это общественное явление "естественным продуктом нашей истории", интерпретируемым в литературе с "полемической", "полицейской" или "культурной" позиций, каждая из которых была "настроена" при этом в "фронтovém" или "либеральном" ключе, призывал к подлинно "научному" постижению его "сути" [7, 194, 198-199, 204, 218, 235].

Этот прецедент иллюстрирует возникшее в середине XIX века осознание различия в понимании "религиозного образования" даже в самом ведущем религиозном институте (Московской духовной Академии), где разделились, условно говоря, "вера митрополита" и "вера профессора", первая из которых "верный якорь спасения" отождествляла исключительно с "синодальным братством" ("господствующим исповеданием"), тогда как вторая исходила из факта присутствия в "православном народе" нескольких версий понимания такого "якоря", особенно в таких "братствах" как "староверы", заслуживающих, как минимум, справедливого анализа. Замечательными примерами сочетания великолепной образованности и глубокой искренней религиозности при предельно серьезном понимании того, что религия в самой своей сути – тайна, где к истине ведут многие и самые неожиданные пути, а об истинности этих путей окончательное суждение выносит не человек, и даже не организация единомышленников, являются такие известные личности как архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий, 1877-1961), Александр Мень (1935-1990), митрополит Антоний (Сурожский, 1914-2003) и Сергей Аверинцев (1937-2004). Таким образом, "Проект Ушинского", воплотить в жизнь который так и не удалось ни в XIX, ни в XX веках, столкнулся с рядом фундаментальных противоречий, которые оказались, хотя и не без проблем, разрешены педагогами только в XXI веке, после принятия нового закона "Об образовании в Российской Федерации"(2012, № 273-ФЗ).

Список литературы

References

1. "The Heretic! (as originally told by Emo Philips)"// <https://www.youtube.com/watch?v=M0zIv2I37UU>
2. *Gabriel Moran* Religious Education // The Encyclopedia of Religion. Mircea Eliade editor in chief. - V.12. - New York – London, 1987
3. Аринин Е. И. Религия, философия религии и "глокальное религиозоведение": между "экзотикой", "совестью" и "профессионализмом" (к дискуссиям на Конгрессах российских исследователей религии) // Вопросы философии. - 2017. - № 4; Барсов Н.И. Духовно-учебные заведения // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Том XI (21). Домиции - Евреинова. СПб., Типолитография И.А. Ефрона, 1893.
Arinin E.I. Religion, philosophy of religion and "glocal religion": between "exotic", "conscience" and "professionalism" (for discussions at the Congresses of Russian researchers of religion)// Issues of Philosophy. - 2017. - № 4; Barsov N.I. Spiritual and educational institutions // Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron, Volume XI (21). Domitia - Evreinov. SPb., Tipolitography IA. Efron, 1893.
4. Белякова Е.В. Первые опыты русской церковной историографии/Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Выпуск 1. М.: Языки славянских культур, 2008.
Belyakova E.V. The first experiments of Russian church historiography /Facts and signs. Studies on the semiotics of history. Issue 1. M.: Languages of Slavic Cultures, 2008.

5. Бурятия/<http://vbuddisme.ru/wiki/%D0%91%D1%83%D1%80%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8FBuryatia://vbuddisme.ru/wiki/%D0%91%D1%83%D1%80%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F>
6. Гиляров-Платонов Н.П. Логика раскола/Сборник сочинений. Том II. М.: Синодальная типография, 1899
Gilyarov-Platonov, N.P. The logic of the split/ Collected Works. Volume II. Moscow: Synodal Printing House, 1899
7. Глубоковский Н.Н. Православие по его существу //Церковь и время. № 1, 1991.
Glubokovsky N.N. Orthodoxy in its essence// Church and time. № 1, 1991.
8. История развития религиозного (мусульманского) образования в Татарстане//
http://magarifrt.ru/articles/articles_7.html
History of the development of religious (Muslim) education in Tatarstan // http://magarifrt.ru/articles/articles_7.html
9. Кодекс Феодосия «О язычниках, жертвоприношениях и храмах» / Пер. с лат. и комм. М.А. Ведешкин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. - № 27 - 2013.
Code of Theodosius "On Pagans, Sacrifices and Temples". Transl. from the lat. and comm. M.A. Vedeshkin// Scientific bulletins of the Belgorod State University. - №27 - 2013.
10. Миронов В. В. Польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден// *Литературная газета*. 2001, № 48, 28 ноября - 4 декабря
Mironov V. V. The benefits of philosophy are very doubtful, and the harm is obvious// Literary newspaper. 2001, No. 48, November 28-December 4
11. Надыршин Т.М. Проблемы этнологического исследования неконфессионального религиозного образования в России//Религиоведение, 2017-№3.
Nadyrshin T.M. The problems of ethnological research of non-confessional religious education in Russia//Religious studies, 2017 - №3.
12. Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru/>
The National Corps of the Russian Language//<http://www.ruscorpora.ru/>
13. Неоправдавшиеся надежды. Преподавание Закона Божьего в царской России//<https://ruskiymir.ru/publications/85305/>
Unjustified hopes. Teaching the Law of God in Czarist Russia//
<https://ruskiymir.ru/publications/85305/>
14. Пирогов Н. И. О воскресных школах//<http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000052/st065.shtml>
Pirogov N.I. About Sunday schools//<http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000052/st065.shtml>
15. Покровский А. Гиляров-Платонов Никита Петрович. // <http://www.runivers.ru/lib/authors/author64337/>
Pokrovsky A. Gilyarov-Platonov Nikita Petrovich.// <http://www.runivers.ru/lib/authors/author64337/>
16. Прот. Владислав Цыпин. Ведомство православного исповедания//
<http://www.pravenc.ru/text/150023.html>
Prot. Vladislav Tsy-pin. Office of the Orthodox Confession//<http://www.pravenc.ru/text/150023.html>
17. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Исследование Ардалиона Попова. Казань, Типо-лит. Императорского университета, 1904.
Court and punishment for crimes against faith and morals under Russian law. Investigation of Ardalion Popov. Kazan, Tipo-lit. Imperial University, 1904.
18. Уорн Р. "Цветочки" глобализации//<http://religiopolis.org/religiovedenie/8200-tsvetochki-globalizatsii.html>
Warn R. "Flowers" of globalization//<http://religiopolis.org/religiovedenie/8200-tsvetochki-globalizatsii.html>
19. Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1896.
Statutes of spiritual affairs of foreign confessions//Code of Laws of the Russian Empire. T. XI. Part 1. St. Petersburg, 1896.
20. Ушинский К.Д. О средствах распространения образования посредством грамотности// Сын Отечества, 1858, N 2.
Ushinsky K.D. On the means of disseminating education through literacy//Son of the Fatherland, 1858, № 2.